

АДВОКАТ

Владимир Михайлович Делба родился в 1946 году в г. Сухуми (Абхазия). Окончил художественный факультет Московского Технологического института, работал в различных организациях столицы, сотрудничал с рядом книжных и журнальных изданий, возглавлял художественно-рекламный комбинат в г. Гагра. Публиковался в альманахах, журналах и газетах Абхазии, России и США, автор нескольких книг прозы. Член Русского ПЕН-центра, Союза литераторов России, Союза художников СССР, Абхазии, Международной федерации художников ЮНЕСКО, лауреат премии им. Ф. Искандера и ряда других премий. Живёт в Москве.

У известной писательницы начала двадцатого века, Тэффи, есть рассказ «Модный адвокат». Читая его, я изумился почти полной схожести описанных автором ситуаций и действующих лиц с теми, что сохранились в моей памяти с детства. Только жили эти люди в другие времена и совсем в других краях.

Сюжет у Тэффи повествует о...

Впрочем, к чему сейчас вести речь о персонажах великой мастерицы смешливого пера, если наши герои интереснее для меня и ближе, ибо существовали в реальной жизни. Тем более, что память цепкая часто возвращает в беззаботное и шевутное бытие сухумское времён моей юности. И вынимает из необъятных кладовых своих всё новые и новые, раритетные уже, по сути, события тех далёких дней, и нет порой спасения от этих сладких, липких пут времени.

Итак, как вы уже догадались, и мы поведём речь об адвокате.

Оказавшийся в нашем городе по распределению вуза, изначально был он принят сухумской «парапетной» общественностью за партийного функционера, ибо, невзирая на летний зной, щеголял ежедневно в костюме и при галстуке, что было характерно для чиновников.

Правда, остроглазые всезнающие обитатели кофейни «Брехаловка» обратили внимание, что незнакомец прогуливался по городу в пиджачной тройке легкомысленного серо-голубого цвета, что не совсем вязалось с обликом (дресс-кодом, как сказали бы сейчас) аппаратных работников, у которых одеяния были, как на подбор, тёмных цветов.

А поскольку на «Брехаловке» привыкли, что любой вопрос имеет право на существование только в комплекте с ответом, то уже на второй день были выяснены фамилия и родословная нашего героя и адрес его съёмной квартиры. Стало известно: семейное положение — холост, профессия — адвокат, а костюм у него всего один, на все случаи жизни.

Видимо, те самые все случаи жизни могли произойти в любой момент, потому как адвокат постоянно, каждый день появлялся на публике в своём элегантном костюме.

Был наш герой щуплого телосложения, небольшого роста, с

довольно крупной головой, причём диспропорция эта подчёркивалась тесной одеждой, согласно тогдашней моде. Обладал он великолепной, но не совсем послушной объёмистой шевелюрой и кустистыми бровями. (Леонид Ильич «отдыхает»!)

Как выяснилось позже, адвокату шили ботинки на заказ, по специальной колодке, незаметно увеличивающей каблук и, соответственно, его рост. Сапожник, армянин-репатриант, утверждал, что эти колодки достались ему от «Фирэнк Синатра, который бил у нас в Ливан, пэл армянски пэсня и зделал минэ подаркум, эта калодка». Возможно, Фрэнк Синатра и бывал в Ливане, но очень сомневаюсь насчёт исполнения им армянских песен. Да и сапожные колодки он что, возил с собой?

Медленным шагом, уверенной поступью важной персоны спускался наш адвокат вниз по улице Ленина, от центра города до колоннады на набережной, останавливался и орлиным взглядом (знаю, что штамп, но очень к месту) внимательно обзирал близлежащую территорию, подобно владельческому князю, выехавшему поохотиться в обширных своих угодьях.

Штамп, не штамп, но взгляд нашего героя был действительно орлиным, пронзительным. Он умудрялся опускать одну бровь так, что взгляду просто необходима была колоссальная энергия,

чтобы прорваться сквозь буйную растительность, причём вторая бровь в этот момент задиралась высоко на лоб. Добавьте ко всему величественную посадку большой головы, аристократическую форму носа с горбинкой, тонкие надменные губы — и вот вам портрет какого-то там римского императора. Ну, консула, на худой конец.

Ритуальный променад адвоката по набережной тоже был подчинён некоему шаблону.

Ну, во-первых, женщины! Какой истинный южный мачо, к тому же при полном параде, пройдёт мимо одиноко прогуливающих вдоль берега моря скучающих курортниц? Да ни за что! Вот и наш адвокат не был исключением.

Подходил он, насколько я помню, ко всем или почти ко всем женщинам подряд, манерно представлялся, причём в фамилии своей переносил ударение, вследствие чего она приобретала как бы французское звучание, долго и эмоционально, судя по жесту куляции, что-то говорил, потом вдруг смотрел на часы, театральнo вскидывал руки и произносил свою коронную фразу:

— Мне срочно необходимо быть в суде, вы можете найти меня там, на процессе! (Слово «процесс» также произносилось на иностранный лад, с ударением на первом слоге).

Не знаю, пробовали ли женщины искать его в суде. Это

была заведомо провальная идея, ибо клиентов и, собственно, дел в судах у нашего адвоката пока не было.

Во-вторых, наш герой, освоившись в городе, скоро стал заправским «чангалистом».

Чтобы разобраться в этом сугубо местном термине, а вернее, явлении, надо представить быт маленького южного города, где все друг друга знают, где гостеприимство и хлебосольство возведено в культ, а режим дня у большинства, в том числе и у работающих граждан мужского пола, условен.

Посему одинокий посетитель ресторана тут же попадает в тёплые объятия друзей, соседей или просто знакомых (а иногда и совсем незнакомых) людей. И вот вам обеспечено халявное застолье, причём в любое время дня.

Эта участь коснулась всего взрослого населения города, а отдельные граждане стали постоянными служителями, адептами, можно сказать, сей религии, за что и получали почётное звание чангалиста.

Я не знаю изначального значения этого слова, было ли оно переведено с одного из местных языков или позаимствовано из сленга. Либо просто придумано кем-то из неуёмных и изобретательных моих земляков. Но, во всяком случае, не помню, чтобы кто-либо из прозванных чангалистами всерьёз возмущался или высказал обиду.

Вот и наш адвокат вписался в эту тему.

Особым шиком у чангалистов считалось постоять после застолья у ресторана и смачно, привлекая внимание проходящих мимо граждан, поцыкать зубом.

В конце концов, за довольно короткое время наш герой полностью вписался в бесшабашный сухумский быт и был принят за своего. («Очень шкодный штрик, но проканывает за нашего». Одобрительная фраза эта, на местном сленге, частенько звучала в кофейне). Он стал такой же привычной достопримечательностью, элементом городского ландшафта, как, скажем, Ботанический сад или обезьяний питомник.

Сердобольные горожане даже переживали за адвоката, ибо дел ему пока никто не поручал, несмотря на определённые ораторские способности и наличие бело-голубого институтского ромбика в петлице. На «Брехаловке» был создан даже тотализатор, где прогнозировали, естественно, со всяческими острыми, шутивными комментариями, будущую карьеру юриста и возможное количество выигранных им дел. Ставки обычно принимались натурой, то есть чашками кофе.

Надеюсь, в голове у читателя сложился некий умозрительный образ героя повествования, и в целом стал понятен алгоритм

жизнеустройства тогдашнего нашего города. Если да, то это здорово упростит для всех ситуацию, ибо сейчас следует сосредоточиться и представить себе реально имевшую место трагикомическую сцену.

В один прекрасный день по набережной пронёсся болид. Не авто «Формулы-1», а частица некоей космической материи, имевшей соответствующую скорость и неясные очертания, в которых преобладал серо-голубой цвет адвокатского костюма, а в верхней части аморфной массы угадывались лохмы его буйной шевелюры.

Завсегдатаи «Брехаловки», откуда просматривалась часть набережной, при виде странного космического тела потеряли дар речи, что было явлением исключительным, ибо только здесь и собирались вместе самые говорливые, острые на язык, шумные граждане, не оставлявшие без моментальных комментариев ничего из услышанного или увиденного ими.

Но комментировать вторжение космического тела?! На это требовалось время.

Нависшую над кофейней непривычную тишину нарушил грузный человек, который бежал по набережной в том же направлении, куда только что проследовал загадочный объект, борясь с астматическим хрипом и размахивая непонятным предметом, обёрнутым газетой. Но силы,

видимо, его оставили, он остано- вился, огляделся вокруг, а затем нетвёрдым шагом направился к кофейне.

Этого весельчака и балагура знал весь город, но сейчас его обычно доброе лицо было иска- жено гримасой, в которой можно было разглядеть и ненависть, и злобу, и желание мести. Был он слегка нетрезв, что, как правило, обеспечивает человеку большую свободу общения, в том числе и по части ненормативной лексики.

Первое, что он спросил, ще- дро пересыпая изысканным ма- том привычные слова, — не ви- дел ли кто, куда побежала эта скотина, адвокат? И, не дожидаясь ответа, стал взволнованно рассказывать историю, как две капли воды похожую на ту, ко- торая несколько десятилетий на- зад удостоилась чести быть опи- санной самой Тэффи!

Выяснилось, что брат рас- сказчика был арестован за дра- ку, и, в соответствии со статьёй УК, ему грозил срок до трёх лет. Условные сроки «за просто так» были у судейских не в почёте; так называемой «химии», когда осуждённых отправляли не в лагеря, а на стройки народного хозяйства, тогда просто не суще- ствовало, так что с судом надо было договариваться.

— И вот, едрёна мать, сосед приводит мне этого самого адво- ката. И этот пижон мокрогубый толкует мне, мол, мелочи жизни

всё это, пацана мы отмажем, тут и к бабке ходить не надо, и по- надобится всего-то пару косарей денег для судьбы, ну и полшту- ки, мол, для меня, за мои, мол, труды скорбные. Ну и я говорю, мол, а для моей семьи две с поло- виной штуки бабок — не вопрос! Вот тебе, говорю, деньги, судьёй там назначен такой-то, иди вот и договаривайся.

И два дня ханурика этого не вижу. А на третий день сидим мы, значит, с друзьями в заго- родном ресторане «Мерхеули», смотрю, адвокат нарисовался на такси с девицей крашеной. Чувиха разодетая вся, в руках букет роз, а наш головастик против- ный вокруг неё всё вьётся, руки ей мызгает, грудь колесом, ну и тому подобное.

Увидел меня и подмигивает, кидняки даёт: всё, мол, ништяк, не бздите, ребята. А сам тащит мару свою в отдельную беседку. И три официанта вокруг этой беседки, как мухи над навозом, вьются, шустрят, то шампанское туда волокут, то козлёнка, то форель.

В общем, гуляет наш кореш, как говорится, от рубля и выше. Чуть позже сталкиваемся, зна- чит, у сортира, и он говорит, что дело он изучил, дело простое, и незачем судье бабки совать, а па- цана, мол, он сам вытащит, это как два пальца об асфальт. Зако- ны, мол, знать надо, и знать, как в суде себя вести и что говорить.

Успокойл, паскуда, меня, я и радуюсь.

Ждём, значит, суда.

И вот наступил назначенный день. Заседание суда проходит по установленному порядку. Сначала судебное расследование, опрос свидетелей, затем речь гособвинителя. Прокурор скучающим голосом озвучивает заготовленные фразы, виновен подсудимый, это доказано в суде, и заслужил он, пожалуй, пару годков колонии. Мать подсудимого рыдает, народных заседателей одолевает зевота.

Слово предоставляют адвокату.

И адвокат заговорил!

С народных заседателей сонливость сошла в момент, публика стихла и превратилась в одно большое ухо, прокурор весь напрягся, даже наклонил верхнюю часть тела ближе к выступающему, чем стал напоминать человека, подслушивающего у замочной скважины.

Адвокат говорил долго, его эмоциональная речь изобиловала мудрёными терминами на латыни, конкретными примерами из истории юстиции, темп её постоянно убыстрялся, держа публику и членов суда в напряжении. Один из заседателей незаметно смахивал слёзы, прокурор даже пытался несколько раз поаплодировать своему оппоненту, а у

сердобольных постоянных посетительниц всех судебных заседаний в моменты наивысшего напряжения дружно вырывался возглас: «Вай»!

К сожалению, текста речи не сохранилось, потому что секретарь суда так же, как и все, была очарована ораторским мастерством адвоката и протокола не вела. Так что сказанное им в тот день в зале Сухумского городского суда дошло до потомков, как и речь товарища Ленина с броневика у Финляндского вокзала Петрограда, в виде призыва, лозунга, квинтэссенции, так сказать.

И если Владимир Ильич призывал к социалистическому перевороту, то наш друг говорил о революции как о свершившемся факте, огласил лозунг о бескомпромиссной борьбе с преступностью и выразил решительную уверенность в неременной победе советского социалистического строя над отдельными проявлениями позорных пережитков прошлого, таких, как воровство и хулиганство, что обеспечит стране неминуемую и скорую дорожку прямо в коммунизм, где не будет места преступности в любом её проявлении!

Зал, можно сказать, рыдал! Потрясённый судья без советательного перерыва тут же переквалифицировал статью на часть вторую, более суровую, и приговорил преступника к семи

годам заключения в колонии строгого режима!!!

Видимо, внося и свой скромный вклад в решительную, всенародную борьбу с преступностью!

— Вот вам, ребята, полный расклад, как говорится, до копейки, — икая, продолжал свой скорбный монолог старший брат. — Так где же этот трёкало патлатый? — снова и снова вопрошал он, машинально разворачивая свёрток, в котором обнаружился хорошо заточенный топор.

Но вопросы эти, увы, зависали в воздухе над непривычно безмолвной «Брехаловкой». Никто не знал, даже здесь, законов природы, согласно которым космические объекты, например болиды, появляются на грешной земле и исчезают в определённое время.

Адвоката же в городе больше никто и никогда не видел.

СВАТОВСТВО В МЕРХЕУЛИ

Встретились как-то два старых приятеля, не в смысле — старые люди, а в смысле — давние друзья, ну и, естественно, засели в ближайшем буфете. Сидят, пьют не торопясь, понемногу, чайными стаканами вино, закусывают и рассуждают о жизни-бытии своём, вспоминают былое, весёлое и грустное.

За окном неслышно моросит мелкий зимний дождь, вокруг буфета мирно готовится ко сну город, внутри тепло и уют, ароматы специй, свежей зелени, молотого кофе. В душах радость и свет, мир и покой, слух ласкают негромкие, задушевные слова тостов. Откуда-то, из-за буфетной стойки, на волне радио Бейрута тихо, потрескивая от эфирных помех, синкопирует чей-то бархатный саксофон.

Буфетчик приносит всё новые бутылки с вином, и понемногу виртуоз Бахус всё нежнее, но настойчивей касается пальцами самых сокровенных струн внутри каждого из друзей. Как говорили древние — «истина в вине»!

И вот один из них решается:

— Дорогой, ведь знаешь, что ты для меня как родной брат, я горжусь тобой, ты добрый и весёлый человек, состоявшаяся личность, у тебя высшее образование, прекрасная, «хлебная» работа. Родителей твоих знает и уважает весь город. Тебе тридцать шесть лет, так обрадуй, наконец, всех близких своих — женись! Причём не пытайся разьяснять мне причин твоего холостяцкого состояния и тем более не подводи под него философскую базу, просто дай слово, что женишься, в самое-самое ближайшее время, поклянись, наконец!

Последние слова рождаются вместе со слезами на глазах, и,

естественно, лукавый Бахус старается, чтобы они дошли до самого сердца друга. У того тоже влажнеют глаза, он берёт руку приятеля в свою и произносит с придыханием:

— Торжественно клянусь, и пусть свидетелями будут все, кто в зале. Более того, я постараюсь сделать это сейчас, не откладывая в долгий ящик. Ты помнишь моего армейского друга, который живёт в районе Мерхеули, мы с тобой были у него в гостях, когда я вернулся из армии. Так вот, не знаю, сохранилось ли это в твоей памяти, но там был ребёнок, его сестра. Она путалась у нас под ногами, всем улыбалась и просилась на колени. Тогда ей было два или три годика, сейчас, соответственно, лет восемнадцать, понимаешь, к чему я клоню. Породниться с семьёй армейского друга было бы для меня огромным счастьем. Прямо сейчас мы выдернем из дома Аркадия, у него машина, затем заедем за Эдиком и рванём в Мерхеули — свататься! Эдик хоть разгильдяй и бездельник, но внешне он самый представительный из нас, да и говорить умеет, только необходимо направить его способности в нужное русло, подсказать тему. Итак, по коням!

— А вдруг её уже выдали замуж?

— Исключено, я бы знал это одним из первых, а на свадьбе сидел

бы на почётном месте. Нет, пока она невеста, что очень кстати. У них, правда, очень строгий отец, человек высокой морали и патриархальных взглядов, чтущий и соблюдающий традиции предков, и при этом резкий и непредсказуемый. Он, по сути дела, глава большого и уважаемого рода в Абхазии и так просто любимую дочку замуж не выдаст, нужно будет сватать её по всем правилам. Правда, он знаком с моим отцом и уважает его, ну и к тому же я сослуживец и друг его сына, так что шансы у нас есть! Буфетчик, счёт!

Спустя полчаса белая «Волга», шипя шинами по мокрому асфальту, рассекая потоки воды, прорывалась из города, по ущелью, параллельно стремящейся к морю бурной горной речке, только в противоположном направлении, в село Мерхеули.

В машине получали последние наставления свежее испечённые сваты. Жених судорожно вспоминал, что ему известно о будущем тесте, что могло бы помочь при сватовстве.

— Так вот, Эдик, вся надежда на тебя, говорить будешь солидно, медленно, подбирая весомые слова, выказывая хозяину дома безмерное уважение, но при этом с чувством собственного достоинства, ты это умеешь, только не напивайся, молю тебя. Да, хозяин дома — известный охотник,

он любит эту тему, но он профессионал, так что будь осторожен, не сболтни глупость, и потом ему льстит, когда гости спрашивают о его родственниках, я помню, за столом в его доме несколько раз прозвучало имя — Эпросуме — запомни его, на всякий случай.

Через некоторое время автомобиль остановился у массивных ворот, за которыми смутно просматривался большой частный дом. В некоторых окнах горел свет, значит, в доме не спали. Водитель несколько раз посигналил, и из дома, держа над головой плащ-палатку военного образца, выглянул какой-то мужчина, пробрался, обходя лужи, к въезду и открыл ворота. Это был армейский друг нашего жениха. Наверное, неожиданный, поздний визит сослуживца, да ещё в компании строго одетых, солидных мужчин, вызвал у хозяина некоторую тревогу, но она тут же улетучилась, когда друг, широко улыбаясь, раскрыл объятия.

Прибывших гостей ввели в дом, и началась обычная для подобных случаев праздничная кутерьма, ибо, по законам кавказского гостеприимства, гость в доме — всегда праздник.

Женщины суетились в кухне, одновременно накрывая стол, мужчины в подвале распечатывали бочонок с вином, гости же оказались в сфере внимания главы семейства, который, как и все

остальные домочадцы, пока не знал об истинной причине столь позднего визита и с удовольствием потчевал друзей сына тутовой чашей собственного производства, поданной, как положено, с орешками, чурчелой и сушёной хурмой.

Конечно же, гостям представили и дочку хозяина. Она оказалась скромной, хорошо воспитанной, с доброй улыбкой, но очень некрасивой девушкой, о которых говорят «никакая» — и которые, как правило, выглядят подростками, маленькими девочками, даже в восемнадцать или двадцать лет. К тому же у неё была плохая кожа, покрытая мелкими прыщами, но это уже не волновало визитёров, даже того, кого, по идее, очень даже должно было волновать, ведь это были не смотрины, а самое настоящее сватовство!

Пока готовилось угощение, сын хозяина облачился в свою плащ-палатку и пошёл пригласить на застолье, как того требовал обычай, ближайших соседей, так что примерно через полчаса, как раз к тому моменту, когда все яства были приготовлены, пришли трое пожилых людей, друзья хозяина дома.

Всех церемонно, с почтением, усадили за стол, и хозяин, пока не избрали официального тамаду, поднял первый тост, поблагодарив гостей за внимание к его семье, за столь приятную

встречу, и пожелал процветания всем присутствующим.

Потом слова попросил Эдуард и, извинившись, объявил об истинной причине визита. Его сообщение вызвало, естественно, некоторый переполох, однако хозяин дома, будучи человеком мудрым и решительным, резонно заметил, что, в конце концов, традиции сватовства не прописаны настолько подробно и догматично, чтобы усмотреть в сегодняшней ситуации их нарушения. В конце концов, сваты на месте, а обычный для таких случаев семейный совет с привлечением старейшин рода по линии невесты сейчас, с учётом реалистичности, может быть представлен соседями, зрелыми и уважаемыми людьми, мнение которых для хозяина дома является непререкаемым.

И началось удивительное таинство сватовства!

Описать точно, как протекало конкретное в нашем случае действие, — задача трудновыполнимая, ибо восстанавливать события давно ушедших дней мне приходится, опираясь на чужие, услышанные когда-то описания события, вынимая из дальних уголков памяти всю реальную, а возможно, слегка приукрашенную рассказчиками информацию.

Сценарий кавказского сватовства прекрасно укладывается в формулу русской поговорки —

«У нас купец, у вас товар», — и развивается действие (так и подмывает сказать — спектакля, но обычно слово «спектакль» подразумевает некую искусственность, даже фальшь происходящего, а мы имеем дело с Великим и Искренним искусством импровизации) в философском русле именно этого заданного направления.

Каждая речь сватов, а проносит их назначенный содружеством Эдик, являет собой искусно составленный дифирамб, панегирик семье, родителям, многочисленной родне, неземной красоте невесты, ангельскому смирению и добродетели, её наверняка выдающимся талантам будущей хозяйки дома, ибо не может не быть святой и, одновременно, земной девой та, что родилась и выросла среди красот предгорья, на берегу своенравной красавицы реки, в доме уважаемого, бесстрашного и мудрого, известного всей Республике человека!

Но и ведь наш жених — парень не простой, «не на улице найденный», красавец мужчина, дипломированный специалист, из хорошей семьи, да и любовь к своей невесте, сестре ближайшего друга, носит в сердце своём столько лет, и разве у кого-то хватит жестокости отказать двум рвущимся друг к другу сердцам в стремлении соединиться!

— Конечно, — подхватывает эстафету один из соседей, — разве

вы видите за этим столом, в доме уважаемого, справедливейшего человека, жестоких людей? Нет их, но, согласитесь, родительская душа должна быть стопроцентно спокойной и уверенной, что вручает судьбу цветка своего горного, выхоленного и обласканного теплом материнского и отцовского сердец, в добрые, чистые руки надёжного и порядочного человека. Конечно, мы знаем его семью, это честнейшие и благороднейшие люди, и мы уверены, что и они не возражали бы, чтобы наследник их обстоятельно и убедительно доказал серьёзность и продуманность своего решения присутствующим здесь близким невесты.

Ну а пока суд да дело, дорогие тосты продолжаются. Да они, по большому счёту, и не прерывались, ибо гармонично вплетены были в ткань, в суть происходившего.

Бедная девочка, кто знает, что творилось сейчас в хрупкой и ранимой душе её, какого решения ждала она от судьбы, сидя в одиночестве в своей комнате. Парадоксально, но никто и не думал интересоваться мнением человека, чья судьба решалась сейчас за празднично накрытым столом!

Застолье продолжалось, становясь всё более динамичным и шумным, вино лилось, как говорится, рекой, эмоциональный пик, видимо, был уже пройден, и стороны всё больше и больше

обсуждали вопросы организационные, по сути дела, технические, ну например — можно ли отпустить невесту со сватами, для представления родителям жениха, прямо сегодня, ночью, или ждать до завтра, или всё-таки отпустить, но с друзьями отца невесты, с моментальным последующим возвратом домой, и так далее и тому подобное.

Счастливый жених возбуждённо потирал руки и незаметно, под столом, обменивался с друзьями быстрыми хлопками ладоней, на «дай цац», всё, мол, отлично! И всё действительно шло отлично!

Ну а потом произошло то, чего весь вечер так боялся жених. Помните наставления в автомобиле и фразу «Эдик, молю, только НЕ НАПИВАЙСЯ»!

Но попробуй-ка не напиться, если в тебе сидит стаканов тридцать густого и терпкого домашнего вина, плюс ещё приличное его количество, выпитое из огромных рогов тура, подстреленного охотником, отцом невесты! То-то же! И я о том же!

Самое обидное, что драматическую, а правильное сказать, трагическую перемену в поведении Эдуарда мог заметить только человек, знающий Эдика очень хорошо, ибо перемена эта со стороны была практически незаметна. И жениху, увы, предстояло её увидеть воочию, без права что-либо изменить.

Эдик же неожиданно снял галстук и потёр переносицу. Для знающих это означало только одно: Эдика сейчас «понесёт»! И Эдика действительно понесло!

Первое, с чего он начал, сняв галстук, так это недопустимо фамильярное обращение к хозяину дома — «братишка»!

Потом выяснилось, что Эдикто, оказывается, — профессиональный охотник, и в его коллекции, в виде чучел, значатся штук пять или шесть подстреленных им горных козлов и ещё один крокодил, добытый во время африканского, ну как его, ну да, сафари. (Здесь нужно напомнить, что действие рассказа происходит в начале шестидесятых, и ни о каком сафари речи не могло идти, а что касается горных козлов, измышления Эдуарда разбивались о тот простой факт, что подстрелить горного козла считалось у охотников фактом проявления величайшего мастерства и везения, ибо горный козёл обладал свойством взбираться на такие вертикальные склоны, куда даже ящерице или змее был путь заказан, а уж спустить тушу вниз, чтобы потом сделать чучело, априори было ложью, а ложь и бахвальство, как известно, настоящие охотники не терпят!)

Хозяин дома заметно помрачнел, и, наверное, чтобы поднять ему настроение, Эдик вдруг спросил:

— Кстати, братишка, как поживает Эпросуме?

Реакцией на вопрос была крикая улыбка и ответ, что с Эпросуме всё в порядке, и какое счастье, что сват побеспокоился о здоровье родственников невесты.

Далее главный сват вдруг начал вставлять в свои речи странные слова типа: самосвал, паровоз, эшелон, — причём говорил он без остановки, не давая возможности вставить слово никому из присутствующих, периодически спрашивая хозяина дома, так как же поживает Эпросуме.

Это сейчас речь, засорённая словами вроде «блин», не вызывает удивления, а тогда всё было устроено по-иному!

Итак, глава семьи всё более и более активно мрачнел, а Эдик всё говорил и говорил. Помните Энди Таккера из «Треста, который лопнул» О. Генри? Так вот, по моему мнению, Энди отдался необъяснимому, великому искушению пофилософствовать, противопоставить свою чистую, спрятанную очень глубоко, внутри грешного тела, душу жалкому, низменному, окружающему нас миру людей, и это стало доминантой его безумной, казалось бы, речи, а всё остальное, в том числе успешный его с Джеффом Питерсом бизнес являлся лишь прахом у ног человечества.

Эдик же действовал гораздо приземлённей, чем Энди Таккер, его просто НЕСЛО, и останавливать сей полноводный поток было бесполезно, поэтому все с

замиранием ожидали развязки. И она наступила.

Продолжая рассказывать о своих охотничьих достижениях, Эдик снова, прервавшись, спросил, так как же на самом деле поживает дядя Эпросуме, как он себя чувствует, эшелон, едрёна мать?

В зале вдруг над празднично накрытым столом нависла тревожная, необычная тишина, затем поднялся хозяин дома и сквозь зубы произнёс:

— Время позднее, пора расходиться, ответ же по существу мы дадим позднее!

Подобная фраза была немислимой, по сути дела, хозяин дома нанёс несмыслимое оскорбление своим гостям, фактически выгоняя их вон!

Вновь возникла пауза, которую попробовал нарушить ГЛАВНЫЙ сват:

— Так как же насчёт дяди Эпросуме?

Видимо, это стало последней каплей!

— Оскорбляя жениха и его родителей, я рву и собственное сердце, но вряд ли, сынок, ты когда-нибудь женишься, имея таких сватов! — с болью в голосе произнёс хозяин дома. — Но этому мудаку Эдуарду, сидящему здесь, можете передать, что Эпросуме никакой мне не ДЯДЯ,

а моя троюродная ТЁТЯ, отвратительная старая дева, живущая на этом свете уже девяносто два года и отравившая жизнь всей своей родне. Вот так!

На следующее утро, до рассвета, друзья зашли за Эдуардом, подняли его из постели и отправились «поправлять здоровье» утренним хашем (естественно, с положенными ста граммами).

Никто никого ни в чём не упрекал, и вчерашние события в разговорах старались не упоминать. Только когда «обязательные» сто граммов превратились в четыреста, Эдуард тяжело вздохнул и произнёс негромко, как бы только для себя самого:

— Как же я мог так проколоться, ведь я уже слышал это имя — ЭПРОСУМЕ, — это на самом деле просто местный вариант греческого женского имени ЭФРОСИНЬЯ!!!

— Бог с ней, с этой Эфросиньей, но, если ты помнишь, Эдик, то постарайся объяснить, что значили твои электровозы, эшелоны и так далее?

— Но вы ведь сами просили употреблять слова солидные и весомые, а весомые значит — тяжёлые, а что есть тяжелее самосвала или эшелона, а? Пожалуйста, налейте ещё водки.